Дмитрий ПРОКОФЬЕВ,
директор по внешним коммуникациям, NEFT Research

Нефтегазовый сектор в российской экономике: от «нефтяной иглы» к фискальной ловушке

В публичном дискурсе последних лет прочно укоренился тезис о том, что Россия постепенно избавляется от «нефтяной иглы» — зависимости бюджета от нефтегазовых доходов. Доля нефтегаза в доходах федерального бюджета действительно снизилась с примерно 50% десять лет назад до 23.3% в 2025 году и прогнозируемых 22.1% в 2026 году. На первый взгляд это выглядит как успешная диверсификация экономики, но за этой статистикой скрывается более сложная картина. Снижение доли нефтегазовых доходов происходит не столько за счет роста ненефтегазовых отраслей, сколько за счет **обвального падения самих нефтегазовых поступлений** в абсолютном выражении. И это падение не временное — оно структурное, обусловленное сочетанием внешних санкционных ограничений, внутренних логистических проблем и фундаментальных изменений на мировых энергетических рынках.

Снижение доли нефтегазового сектора в ВВП — еще один важный индикатор его трансформирующейся роли

Более того, ненефтегазовые доходы, которые компенсируют падение нефтегазовых, растут не благодаря расширению экономической базы, а за счет **прямого повышения налоговой нагрузки.** Это создает новую зависимость — уже не от мировой конъюнктуры, а от пределов фискального изъятия, которые в условиях стагнирующей экономики быстро достигают своего потолка.

НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ: ТРИ ГОДА ПАДЕНИЯ ПОДРЯД

Цифры Минфина России за первое полугодие 2026 года фиксируют продолжающееся сжатие нефтегазового сектора как источника бюджетных поступлений.

Динамика нефтегазовых доходов федерального бюджета:

- 2024 год — **11 131** млрд рублей;
- 2025 год — **8477** млрд рублей;
- первое полугодие 2026 года — **3661** млрд рублей.

За январь — июнь 2026 года нефтегазовые доходы составили **3.66 трлн рублей,** что на **22.7%** ниже, чем в первом полугодии 2025 года. Падение ускоряется: в 2025 году доходы снизились на 24% по сравнению с 2024-м, а в первом

полугодии 2026 года — еще на 22.7% к аналогичному периоду прошлого года. Это означает, что даже при росте мировых цен на нефть (Brent в апреле-мае держался выше 100 долларов за баррель) рублевые поступления в бюджет не растут. Причины — в устойчиво высоком дисконте Urals к Brent, а также в укреплении рубля в отдельные периоды, которое снижало рублевую выручку от экспорта.

При этом ненефтегазовые доходы за тот же период выросли на **16.3%**, с 12.86 трлн рублей до **14.96 трлн рублей.** На первый взгляд это компенсирует падение. Однако суммарный прирост ненефтегазовых доходов (около 2.1 трлн рублей) лишь частично перекрывает сокращение нефтегазовых поступлений (почти 1.1 трлн рублей).

В результате общий дефицит федерального бюджета за январь — июнь 2026 года достиг **5.73 трлн рублей (2.5% ВВП),** что превысило годовой план (3.78 трлн рублей) в полтора раза уже к середине года. Это означает, что бюджетная система вошла в режим хронического дефицита, который не может быть закрыт даже за счет повышения налогов.

ДИСКОНТ: ЦЕНА САНКЦИОННОГО РИСКА

Одной из ключевых причин падения нефтегазовых доходов является устойчиво широкий дисконт, с которым российская нефть Urals продается на мировых рынках.

Именно этот показатель, а не цена Brent сама по себе определяет реальные доходы бюджета от нефтяного экспорта.

Российская налоговая система в нефтяной отрасли устроена таким образом, что налог на добычу полезных ископаемых и экспортные пошлины рассчитываются от цены Urals, а не от цены Brent. Чем ниже цена Urals, тем меньше абсолютная сумма налоговых поступлений в рублях. Таким образом, каждый доллар дисконта — это прямая потеря бюджетных доходов, которая не компенсируется ничем, кроме, возможно, роста физических объемов экспорта. Но физические объемы, как мы знаем, упираются в логистику, квоты ОПЕК+ и ограниченные мощности по переработке.

При дисконте в **25 долларов за баррель** и курсе **78 рублей за доллар** потери с каждого барреля составляют:

25 × 78 = 1950 рублей с барреля.

Если дисконт расширяется до **27 долларов за баррель,** как это было в отдельные периоды 2026 года, потери достигают **2100 рублей с барреля.**

Годовой экспорт нефти из России составляет около **237 млн тонн,** что эквивалентно примерно **1.73 млрд баррелей** (при пересчете 7.33 барреля на тонну). Умножая потери с барреля на общий объем экспорта, мы получаем недополученные бюджетные доходы в размере **3.4–3.6 трлн рублей в год.** Для понимания масштаба: это примерно **40%** всех нефтегазовых доходов, запланированных в бюджете на 2026 год (8.92 трлн рублей). То есть дисконт «съедает» почти половину того, что бюджет рассчитывает получить от нефти.

Часто можно услышать: «Ну и пусть дисконт большой, ослабим рубль — и в рублях нефтяники и бюджет все равно получают больше». Это арифметически неверно. Девальвация может частично компенсировать **падение мировых цен** (когда и Brent, и Urals падают вместе), но она **не компенсирует расширение дисконта,** потому что дисконт — это разница между Urals и Brent. Укрепление или ослабление рубля на эту разницу не влияет.

Возьмем две ситуации: курс 78 рублей за доллар и курс 100 рублей за доллар. И в той и в другой ситуации дисконт составляет 25 долларов за баррель.

- При курсе 78 рублей за доллар потери с барреля составляют:

25 × 78 = 1950 рублей.

- При курсе 100 рублей за доллар потери с барреля составляют:

25 × 100 = 2500 рублей.

То есть при теоретическом ослаблении рубля с 78 до 100 рублей за доллар потери бюджета от дисконта **не уменьшаются, а растут** — с 1950 до 2500 рублей с барреля. Девальвация не сокращает разрыв, а увеличивает его в абсолютном выражении, делая потери от дисконта еще более болезненными.

Почему ослабление рубля в целом не помогает бюджету. Существует еще одно устойчивое заблуждение: «ослабление рубля увеличивает рублевую выручку экспортеров и бюджетные доходы». Это верно лишь отчасти и только в том случае, если цена в долларах остается неизменной. Но в реальности, как мы видим, цена Urals в долларах падает из-за дисконта, и этот эффект перекрывает любой выигрыш от ослабления рубля. Если цена Urals падает с 80 до 55 долларов за баррель (из-за роста дисконта), а курс ослабевает с 78 до 100 рублей за доллар, рублевая цена барреля меняется следующим образом:

- Было: **80 × 78 = 6240 рублей за баррель.**
- Стало: **55 × 100 = 5500 рублей за баррель.**

Рублевая цена не выросла, а **упала на 740 рублей с барреля.** Ослабление рубля не помогло — оно лишь смягчило падение, но не предотвратило его. Дисконт «съел» весь эффект от девальвации и даже больше.

Более того, ослабление рубля создает дополнительные проблемы. Оно удорожает импорт, разгоняет инфляцию, вынуждает Центральный банк держать высокую ключевую ставку и сдерживает инвестиции. То есть ослабление рубля — это не «бесплатный» инструмент поддержки бюджета, а дорогостоящий компромисс, который оборачивается инфляционным давлением и торможением экономического роста. В текущей ситуации, когда дисконт остается широким, а физические объемы экспорта ограничены, ослабление рубля не дает бюджету никакого чистого выигрыша. Оно лишь маскирует глубину структурной проблемы, создавая иллюзию компенсации там, где ее нет.

Дисконт Urals к Brent — это не временное явление, а структурная плата за санкционный риск, логистическую негибкость и потерю контроля над цепочками поставок. Он превращает высокие мировые цены на нефть в иллюзию бюджетного благополучия. Бюджет недополучает триллионы рублей не потому, что рубль слабый, а потому что российская нефть продается со скидкой к мировым бенчмаркам. Единственный способ компенсировать эти потери — либо физически наращивать объемы экспорта (что упирается в квоты ОПЕК+ и инфраструктуру), либо добиваться сокращения самого дисконта (что требует снятия санкционных рисков и восстановления логистики). Ни то ни другое в текущих условиях не выглядит реалистичным.

БЮДЖЕТНАЯ ЛОВУШКА: ВЫСОКИЕ ЦЕНЫ НЕ СПАСАЮТ

Парадокс текущей ситуации в том, что даже относительно высокие мировые цены на нефть не спасают бюджет. План по нефтегазовым доходам на 2026 год, заложенный в законе о бюджете, составляет **8.92 трлн рублей.** Однако по итогам первого полугодия собрано лишь 3.66 трлн рублей — **41%** от годового плана.

При сохранении текущих темпов годовой план скорее всего не будет выполнен. Эксперты ожидают, что по итогам 2026 года нефтегазовые доходы составят около **8.2 трлн рублей** — почти на 700 млрд ниже плана.

Дефицит бюджета по итогам 2026 года может существенно превысить плановые 1.6% ВВП и достичь 2–2.5% ВВП, как это уже произошло в первом полугодии.

При этом демпферные выплаты нефтяным компаниям продолжают расти. В апреле — июне 2026 года они составили **622.4 млрд рублей** при нефтегазовых доходах 2.218 трлн рублей. Доля демпфера в доходах достигла **28%** против 10% в среднем за 2025 год. Бюджет, получая доходы от нефти, тут же возвращает их через демпфер — это не фискальный маневр, а «перекачка средств из одного кармана в другой».

НЕНЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ: РОСТ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Рост ненефтегазовых доходов на 16.3% за первое полугодие выглядит впечатляюще, но требует расшифровки. Основной драйвер этого роста — **повышение налоговой нагрузки,** а не расширение экономической базы.

С 1 января 2026 года в России повышена ставка НДС с 20 до 22%, увеличен налог на прибыль для крупных компаний (с 20 до 25%), введена прогрессивная шкала НДФЛ. Именно эти фискальные новации, а не рост реального сектора обеспечили дополнительный приток ненефтегазовых поступлений.

Структура ненефтегазовых доходов федерального бюджета за первое полугодие 2026 года:

- НДС: **5.29 трлн рублей** (+~20% г/г);
- налог на прибыль: **2.54 трлн рублей** (+~15% г/г);
- НДФЛ: **2.33 трлн рублей** (+~12% г/г);
- прочие налоги и сборы: **4.8 трлн рублей.**

При этом одновременно растут расходы бюджета: в первом полугодии 2026 года расходы выросли на **16%** к аналогичному периоду 2025 года, до 24.35 трлн рублей. То есть бюджет увеличивает и доходы, и расходы, но дефицит всё равно растет.

РОЛЬ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА В ВВП

Снижение доли нефтегазового сектора в ВВП — еще один важный индикатор его трансформирующейся роли. По данным Росстата, вклад нефтегазового сектора в ВВП России по итогам 2025 года составил **13%** — исторический минимум с 2017 года. За год показатель сократился на 3 п. п. Еще в 2024 году доля составляла 16%, а в 2018 году достигала 20.7%.

Оборот нефтегазовых компаний за 2025 год сократился на 16.7%, прибыль уменьшилась на 63.9%. Доля прибыльных компаний в секторе снизилась до 49.1% против 60.7% годом ранее.

Это означает, что нефтегазовый сектор перестает быть локомотивом роста.

Однако долгосрочная перспектива остается неопределенной. По некоторым прогнозам, в 2026 году доля нефтегазового сектора в ВВП может вновь увеличиться на 1–2 п. п. из-за сохранения высоких мировых цен на нефть. Однако это не изменит структурной проблемы: сектор остается уязвимым к внешним шокам и санкционному давлению, а его вклад в рост экономики будет ограниченным.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

Снижение доли нефтегазовых доходов в бюджете с 50 до 22% — это не «освобождение от «нефтяной иглы», а **смена одного типа зависимости на другой.** Если раньше бюджет зависел от мировой конъюнктуры цен на нефть, то теперь он всё больше зависит от:

1) **внутренней налоговой нагрузки,** которая уже приближается к пределу — дальнейшее повышение налогов чревато сокращением деловой активности и уходом бизнеса в тень. Как отмечали эксперты, доля налогов в цене литра топлива достигает 60–70% — выше уже некуда;

2) **устойчивости ненефтегазовых отраслей,** которые в свою очередь зависят от состояния внутреннего спроса, а он сжимается на фоне высокой ключевой ставки (14%) и инфляции (6% годовых);

3) **административных мер,** которые дают краткосрочный эффект, но не создают долгосрочных стимулов для роста. Запреты экспорта топлива, субсидии, ручное регулирование цен — всё это не заменяет системной промышленной политики.

Нефтегазовый сектор остается ключевым источником валютной выручки и бюджетных поступлений, но его роль трансформируется. Он больше не является локомотивом роста — он становится донором, который всё меньше может давать, и балластом, который требует всё больших компенсаций (демпферных выплат, субсидий, налоговых льгот).

СТРУКТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Данные первых шести месяцев 2026 года закрепляют новый структурный тренд: бюджетная система России перестала быть «нефтяной» в том смысле, в котором это слово использовалось два десятилетия. Доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете снизилась до 22.1% — с 30% в 2023–2024 годах. В 2025 году она составляла 23.3%. Тренд устойчивый: 2027 год — 21.1%, 2028-й — 21.2%.

Однако это снижение происходит на фоне **абсолютного сокращения нефтегазовых доходов** — с 11.13 трлн рублей в 2024 году до 8.48 трлн рублей в 2025-м и прогнозируемых 8.92 трлн рублей в 2026-м. То есть доля снижается не потому, что «нефтянка» перестала быть важной, а потому что она приносит меньше денег в абсолютном выражении.

При этом ненефтегазовые доходы растут не за счет диверсификации экономики, а за счет повышения налоговой нагрузки. Это создает риски для деловой активности и потребительского спроса, которые в условиях высокой ключевой ставки и так находятся под давлением.

Российская бюджетная система больше не зависит от нефтегазовых доходов в той мере, в какой зависела десятилетие назад. Но это не победа диверсификации — это вынужденная адаптация к падающим доходам от сырьевого экспорта. Новая модель зависимости от внутренней налоговой нагрузки не менее уязвима, чем старая.

Вопрос не в том, сохранится ли «нефтяная игла», а в том, чем ее заменят. Пока ответ очевиден: ее заменяют повышением налогов и административным регулированием. Вопрос в том, сколько еще этот компенсаторный механизм сможет работать, не создавая новых системных рисков для экономики. И как долго бюджет сможет балансировать между падающими нефтегазовыми доходами и растущими расходными обязательствами, не переходя в режим хронического дефицита, либо новых заимствований, либо дальнейшего повышения налогов.